Ист.-Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 350574
193 г.

Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Михаила Михайловича Сперанскаго.

Баронъ Корфъ, своею превосходною книгою: *Жизнь графа Сперанскаго* *), освѣтилъ историкамъ Россіи память объ одномъ изъ знаменитыхъ ея дѣятелей. Въ своихъ предварительныхъ замѣткахъ баронъ Корфъ высказалъ: „при всей тщательности нашихъ изысканій, мы далеки отъ мысли, чтобы не только біографію Сперанскаго, въ томъ объемѣ и значеніи, какъ мы ее понимаемъ, но даже и сводъ матеріаловъ въ ней, считать вполнѣ завершеннымъ посредствомъ нашей книги. Сперанскій находился въ соприкосновеніи съ столькими людьми, дѣйствовалъ на столькихъ поприщахъ и такъ недавно сошелъ съ общественной сцены, что отыщутся, вѣрно, еще многіе факты, которыми можно будетъ дополнить свѣдѣнія, исправить наши указанія и пролить на нихъ болѣе свѣта. Пусть настоящая попытка проложитъ путь къ дальнѣйшимъ работамъ на этомъ широкомъ поприщѣ“ **).

Это благородное желаніе біографа графа Сперанскаго многими уже усердно и прекрасно исполняется. Сколько явилось историческихъ изслѣдованій, произнесено ученыхъ рѣчей о незабвенномъ Михаилѣ Михайловичѣ, котораго 100-лѣтній юбилей отъ дня рожденія недавно праздновала вся Россія самымъ торжественнымъ обра-

---

*) Издана въ С.-Петербургѣ Императорскою Публичною библіотекой въ 1861 году.

**) „Жизнь графа Сперанскаго“ т. I. стр. 11 и 12.

зомъ! Вѣчная память достославному графу Михаилу на землѣ! Вѣчная его великой и христіаннѣйшей душѣ память и на небеси, во блаженномъ со святыми упокоеніи!

Составитель предлагаемой вниманію благосклонныхъ читателей статьи не обѣщаетъ сказать что-нибудь новое въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о гражданскихъ доблестяхъ знаменитаго составителя Свода Законовъ Россійской Имперіи. Но гражданская жизнь человѣка-христіанина воспитывается и зрѣетъ въ лонѣ жизни семейной и частной. Изъ этой-то жизни графа Сперанскаго привелось мнѣ собрать изъ устъ людей, находившихся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ, нѣкоторые факты, которые здѣсь и представляю.

Сынъ сельскаго священника, Михаилъ Михайловичъ, рано научившись читать, своимъ первымъ и любимѣйшимъ на всю жизнь чтеніемъ имѣлъ Слово Божіе, святоотеческія и богослужебныя книги св. православной Церкви Христовой. Шестилѣтнимъ малюткою онъ уже читалъ въ храмѣ Часы богослужебные, подъ руководствомъ своего добраго дѣдушки, также іерея. Поступивъ въ семинарію, онъ за пріятный свой голосъ былъ взятъ въ архіерейскій пѣвческій хоръ. И во время вакаціальное любилъ участвовать въ отправленіи церковнаго богослуженія. Родной мой дядя, священникъ села Скоморохова, Александровскаго уѣзда Владимірской епархіи, о. Павелъ Алексѣевичъ Флоринскій разсказывалъ мнѣ: „когда въ дѣтствѣ своемъ Михаилъ Михайловичъ пріѣзжалъ на праздники изъ Черкутина въ Скоморохово къ роднымъ своимъ *), онъ, приходя въ храмъ Божій, всегда становился на клиросъ и своимъ мелодичнымъ голосомъ читалъ и пѣлъ церковныя молитвы и пѣснопѣнія“. Не эта ли любовь къ священной, православной нашей церковности,

*) О Скомороховскомъ родствѣ М. М. Сперанскаго упоминается въ I томѣ книги Корфа на стр. 1. Родина Сперанскаго—село Черкутино, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, находится во Владимірскомъ уѣздѣ.

начавшаяся въ покойномъ графѣ въ самомъ раннемъ его дѣтствѣ, образовала въ Михаилѣ Михайловичѣ тѣ глубокія, сильныя и живыя религіозныя чувствованія, которыхъ не могла поколебать современная ему лжефилософія французскихъ матеріалистовъ, рано пытавшаяся отравить собою его душу *), и которыя, проведши Сперанскаго сквозь бури жизни, не только не изнемогшимъ, но и умственно и нравственно окрѣпшимъ сопроводили его и въ вѣчность? Духовникъ его Духовскій не могъ безъ особеннаго чувства вспоминать, какъ во время предсмертной своей болѣзни графъ Сперанскій съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, съ вѣрой и надеждою пріобщился св. Христовыхъ Таинъ и съ совершеннымъ спокойствіемъ христіанина говорилъ о предстоявшей смерти, молясь словами царственнаго пѣвца—пророка: „Господи! не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене“ (Пс. 50)! Не напрасно богодухновенный апостолъ заповѣдуетъ христіанамъ учиться св. религіи, по преимуществу живымъ способомъ, посредствомъ усвоенія своимъ уму и сердцу тѣхъ священныхъ пѣснопѣній Пресвятой Троицѣ и святымъ, какія самъ Духъ Всесвятый даровалъ возлюбленной невѣстѣ Христовой—Церкви, устами свышевдохновенныхъ пѣснотворцевъ (Ефес. 5, 18. 19. Колос. 3, 16).

Какъ преданъ былъ графъ Сперанскій св. матери нашей Церкви православной, какъ свято чтилъ ея святые уставы и благочестивые обычаи нашихъ добрыхъ предковъ, это показываетъ слѣдующій замѣчательный фактъ. Онъ засвидѣтельствованъ весьма почтенною личностію.

Когда въ 1850 году былъ я на должности помощника ректора семинаріи въ г. Вяткѣ, тамъ еще находился въ живыхъ всѣми вятчанами уважаемый старецъ Андрей Ивановичъ Шестаковъ, сокурсникъ Михаила Михаилови-

*) „Жизнь графа Сперанскаго“ т. I, стр. 26–42.

ча по Александро-Невской главной семинаріи *). Онъ въ обществѣ вятскихъ друзей своихъ передавалъ о графѣ Сперанскомъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ первый годъ проживанія Михаила Михаиловича въ г. Перми, въ Свѣтлое Христово Воскресенье никто изъ тамошнихъ священниковъ не посѣтилъ со святымъ животворящимъ Крестомъ знаменитаго изгнанника до самыхъ вечеренъ. За четверть часа до вечерняго богослуженія одинъ добрый батюшка вздумалъ навѣстить съ Крестомъ сосланнаго тайнаго совѣтника. Когда доложили Михаилу Михайловичу о приходѣ іерея, немедленно отворили ему двери квартиры Сперанскаго, и Михаилъ Михайловичъ въ полной формѣ, съ двумя звѣздами на груди, радостно встрѣтилъ священника, высказалъ живѣйшую признательность за посѣщеніе и, по пропѣтіи священникомъ пасхальныхъ гимновъ, просилъ его благословить пасхальную трапезу. При этомъ Сперанскій присоединилъ: „Я, батюшка, еще не разговлялся, ожидая къ себѣ животворящій крестъ Христовъ; съ дѣтства привыкъ я въ нынѣшній великій праздникъ не вкушать, доколѣ не благословятъ трапезы пасхальной іереи; и нынѣ, отъ самой литургіи не раздѣвался, ожидая къ себѣ кого-либо изъ васъ; теперь, къ моей радости, въ вашемъ лицѣ, почтенный отецъ, посѣтилъ меня самъ Господь Воскресшій. Слава и благодареніе Ему, Всевышнему Владыкѣ“. Трапеза благословлена. Звонятъ къ вечернѣ. Священникъ поспѣшаетъ въ церковь. А ему Сперанскій: „и я съ вами же въ церковь; но будьте милостивы, послѣ вечерни пожалуйте откушать моего хлѣба-соли“. Эта умилительная черта глубокой религіозности и преданности отеческимъ обычаямъ обрадовала священника, но еще боль-

*) А. И. Шестаковъ былъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія, и уважаемъ былъ вятчанами въ особенности за свою строго-христіанскую жизнь. О дружескихъ отношеніяхъ между графомъ Сперанскимъ и Шестаковымъ въ С.-Петербургской семинаріи главной сказано на 26 страницѣ 1-го тома: „Жизнь графа Сперанскаго“.

ше обрадованъ и изумленъ былъ священнослужитель Христовъ, когда, по приглашенію Михаила Михайловича, пришелъ послѣ вечерни раздѣлить съ нимъ его пасхальную трапезу и здѣсь имѣлъ счастіе слышать одушевленную глубокими чувствами вѣры и исполненную многосторонних познаній бесѣду его".

Родной мнѣ по отцѣ дѣдушка, іерей Скомороховскій отецъ Алексѣй Ивановичъ Флоринскій разсказывалъ о графѣ слѣдующее: „Михаилъ Михайловичъ съ дѣтства имѣлъ любовь къ чтенію книгъ, и, когда представился ему удобный случай пользоваться достаточной по тому времени библіотекой префекта владимірской семинаріи — игумена Боголюбовской обители, отца Евгенія, взявшаго геніальнаго юношу къ себѣ въ келейники, Сперанскій со всѣмъ усердіемъ предался любимому своему занятію. По приготовленіи классныхъ уроковъ, онъ посвящалъ чтенію цѣлые вечера. Зная объ этомъ, товарищи Михаила Михайловича, глубоко уважавшіе его высокую личность, обращались къ нему съ усердными просьбами подѣлиться съ ними богатствомъ собираемыхъ свѣдѣній. На такія просьбы вызывало ихъ и то обстоятельство, что тогда не многимъ выпадало счастіе пользоваться хорошею библіотекой. Слѣдствіемъ просьбъ товарищескихъ было то, что въ курсѣ, гдѣ шелъ Сперанскій, образовались *собственныя, ученическія* лекціи. Въ старину воспитанники семинарій собирались въ классы гораздо ранѣе времени прихода въ классъ наставниковъ,— за часъ и болѣе. И вотъ сокурсники Михаила Михайловича, собравшись въ аудиторіи, бывало ожидали его прихода не съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ съ какимъ обыкновенно ждутъ прихода любимаго профессора. Кого-либо изъ среды себя посылали бывало къ воротамъ семинарскаго двора посмотрѣть, нейдетъ ли Сперанскій. И едва завидитъ посланный ожидаемаго друга-наставника, немедленно извѣщаетъ товарищей: „Михаилъ Михайловичъ (его никогда не называли иначе, какъ по имени и отечеству) идетъ!"—Мгновенно утихаетъ шумъ. Садятся по мѣстамъ. Входитъ въ классъ

Михаилъ Михаиловичь. Всѣ въ одинъ голосъ просятъ: „разскажите намъ, что вы прочли за эту ночь.“ И всякій разъ геніальный юноша съ полнѣйшимъ усердіемъ и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ выполнялъ просьбу друзей“.

Сколь глубоки были въ душѣ графа Сперанскаго симпатіи товарищеской дружбы, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Андрея Ивановича *Шестакова*, разсказа очень часто повторявшагося въ устахъ этого приснопамятнаго Вяткѣ сокурсника Сперанскаго по главной семинаріи въ Петербургѣ.

„Когда Михаилъ Михайловичь Сперанскій, разсказывалъ Шестаковъ, состоялъ уже высокимъ государственнымъ сановникомъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы только повидаться съ безцѣннымъ моимъ прежнимъ другомъ. Вошедши въ его квартиру, въ пріемномъ залѣ ея нашелъ я много чиновниковъ; прошу доложить обо мнѣ. Немедленно, по извѣщеніи объ мнѣ докладчика, выходитъ Михаилъ Михайловичъ; самымъ любезнымъ образомъ проситъ посѣтителей придти къ нему на утро слѣдующаго дня, меня же вводитъ въ свой кабинетъ, заключаетъ дружески въ объятія и усерднѣйше проситъ изложить самымъ откровеннымъ образомъ всѣ мои настоящія нужды, чтобы во всемъ пособить мнѣ, чтобъ относительно всего меня успокоить. Послѣ долгаго нашего дружескаго разговора, который онъ такъ со мною велъ, какъ будто мы все по прежнему—ученики главной семинаріи,—онъ, мой незабенный, убѣждалъ меня остаться на службѣ въ Петербургѣ. Но мнѣ не желалось тогда покинуть мирный край моей родины. И съ великимъ сожалѣніемъ простился со мною великій человѣкъ, котораго имѣю право къ величайшему для меня утѣшенію назвать добрѣйшимъ другомъ моей юности“.

Слѣдующіе разсказы о графѣ Михаилѣ Михайловичѣ Сперанскомъ записаны мною со словъ матушки моей Елизаветы Ивановны, урожденной *Смирновой*, по мужѣ своемъ—отцѣ моемъ, *Флоринской*. Но такъ какъ часть раз-

сказаннаго она сама слышала отъ матери своей, а моей бабушки, Татьяны Матвѣевны Смирновой, бывшей въ замужствѣ за Владимірскимъ священникомъ І. Тимоѳ. Смирновымъ, то предварительно да позволено будетъ начертать нѣсколько строкъ о самой *Татьянѣ* Матвѣевнѣ *Смирновой*. Она приходилась двоюродною сестрою М. М. Сперанскому. Въ домѣ ея провелъ онъ лучшіе годы своего дѣтства. О ней и о ея родителѣ баронъ Корфъ въ біографіи графа замѣчаетъ: „Матвѣй Богословскій, посвященный (изъ діаконовъ) во священники, и его дочь *Смирнова* болѣе всѣхъ, кажется, способствовали первому нравственному и умственному воспитанію Михаила Михаиловича“ *).

Въ высокой степени благочестивая и любившая духовное чтеніе, она и двоюрному брату, своему собесѣднику Михаилу Михайловичу сообщала тоже духовное настроеніе. Потому онъ сохранилъ къ ней любовь самую признательную на всю свою жизнь. Съ нею онъ велъ переписку. Помогалъ ей нескудно отъ своихъ средствъ, когда супругъ ея, также благочестивый мужъ, іерей Іоаннъ Тимоѳеевичъ, скончался,— и, умирая, завѣщалъ пожизненное, каждогодное пособіе, двумъ дочерямъ ея— вдовамъ. И до сихъ дней цѣла горенка бабушки моей, безцѣнной Татьяны Матвѣевны *Смирновой*, горенка, въ которой добрѣйшая наша старушка проводила дни и встрѣчала ночи надъ святыми, богослужебными книгами православной Церкви. Нерѣдко собирались мы— внуки и внучки ея въ эту ея, благодати молитвъ исполненную горенку и здѣсь получали отъ нея гостинцы и лакомства, которые она запасала на полученныя отъ Михаила Михайловича деньги, а вмѣстѣ принимали наставленія ея мудрости,—также вмѣстѣ съ доброю нашею бабушкой молились за благодѣтеля ея и нашего, или раздѣляли ея общую, христіанскую молитву Господу Богу, Пресвятой Богородицѣ и святымъ. Послѣднее обыкновенно совершалось во дни великаго поста, когда мы говѣли и гото-

*) „Жизнь гр. Сперанскаго.“—Т. І. гл. І. ст. II, стран. 10.

вились пріобщаться въ Богородицкомъ храмѣ. Кто-либо изъ внуковъ или внучекъ читалъ вечернее и утреннее правило ко причащенію, и сохрани Богъ, если бабушка замѣчала здѣсь въ комъ изъ насъ разсѣян ость на молитвѣ! Она учила насъ, когда и какіе надобно полагать на правилѣ поклоны и стоять на молитвѣ съ внутреннимъ страхомъ предъ Царемъ небеснымъ—Господомъ Силъ. Въ воскресные и праздничные дни мы обыкновено собирались къ бабушкѣ послѣ божественной литургіи на утренній чай и завтракъ и подъ ея руководствомъ учились, какъ должны ростевники любить другъ друга, и какъ вести умно и по-христіански наши бесѣды. Здѣсь нельзя было никому и начать такъ называемыхъ пересудовъ. *Не судите, да не судимы будете*—сейчасъ строго замѣчала бабушка неосторожному говоруну, или говоруньѣ. Въ храмъ Господень хаживала Татьяна Матвѣевна всегда до начала службы, и говорила, что *слушать божественную литургію не выслушавъ прежде молитвъ часовныхъ, тоже, что птичкѣ летѣть безъ крыльевъ.* Сама небогатая, но жившая пособіями частію брата своего двоюроднаго, М. М. Сперанскаго, частію своего сына—предсѣдателя гражданской палаты въ Москвѣ А. И. Смирнова, она отъ этихъ пособій охотно и съ состраданіемъ удѣляла людямъ, о которыхъ знала, что они болѣе ея нуждаются въ христіанской помощи. Сердобольна была къ прислугѣ и покрывала недостатки и слабости слугъ своею всепрощающею любовію христіанскою. Изъ нищихъ ни одинъ не отходилъ безъ подаянія отъ ея горенки. Мудрые совѣты о жизни, какіе умѣла преподавать и охотно преподавала добрѣйшая бабушка всѣмъ, спрашивавшимъ у нея оныхъ, столь были высоко цѣнимы, что Татьяна Матвѣевна *Смирнова*, вдова іерейская, окружена была почтеніемъ всего тогдашняго общества владимірскаго, и самыхъ аристократовъ. Таковъ былъ первый другъ дѣтства и юности графа Сперанскаго, который въ домъ отца Іоанна Тимоѳеевича Смирнова и его супруги весьма часто прихаживалъ и по сво-

емъ отъ нихъ перемѣщеніи въ покои отца префекта семинаріи владимірской.

Обращусь къ разсказу моей матушки.

„Когда въ 1816 году проѣзжалъ Михаилъ Михайловичь Сперанскій изъ ссылки чрезъ г. Владиміръ губернаторомъ въ Пензу,—разсказывала моя матушка,—мнѣ было тогда 14-ть лѣтъ. Онъ навѣстилъ тогда вашу бабушку-Татьяну Матвѣевну Смирнову *). Несказанно обрадолась безцѣнному гостю своему матушка Татьяна Матвѣевна, но пришла также въ нѣкоторое смущеніе, что высокаго посѣтителя принимаетъ въ очень непышномъ помѣщеніи. Домикъ, въ которомъ жили мы тогда съ матушкой и сестрицей Марьей Ивановной (супругой о. Григорія Михайловича Чижова, послѣ—ключаря соборнаго) съ ея супругомъ и дѣтьми, былъ невеликъ.—„Вотъ, батюшка братецъ, сказала бабушка ваша,—живемъ-то мы тѣсно.“—„Ахъ! нѣтъ сестрица!“—возразилъ гость нашъ, смотря съ отеческою любовію на всѣхъ насъ: „у васъ вовсе не тѣсно. Гдѣ миръ, согласіе и любовь, тамъ никогда не бываетъ тѣсно. А у васъ какой вижу миръ! надъ вами истинно почиваетъ Божіе благословеніе!“

„Въ 1818 году, когда матушка Татьяна Матвѣевна устроила меня въ замужство, то не имѣя денегъ на свадьбу, откровенное написала письмо нашему отцу благодѣтелю о своемъ затруднительномъ положеніи, и немедленно получила отъ Михаила Михаиловича весьма богатое по тому времени пособіе—*пятьсотъ рублей, на устроеніе*, какъ писалъ онъ, *любезной его крестной дочери Елизаветы*“.

„Въ раннемъ вдовствѣ моемъ **), оставшись послѣ вашего родителя съ пятерыми дѣтьми и съ большимъ долгомъ за только что отстроенный домъ, я не знала, какъ

---

*) Объ этомъ посѣщеніи упоминается во 2-мъ Томѣ біографіи гр. Сперанскаго на стран. 123-й.

**) Матушка моя овдовѣла тридцати лѣтъ, чрезъ пятнадцать лѣтъ супружества своего.

и чѣмъ мнѣ съ вами сиротами прожить, на какія средства устроить старшую вашу сестру Елизавету. Милосердый Господь послалъ мнѣ въ незабвенномъ крестномъ отцѣ моемъ, графѣ Михаилѣ Михайловичѣ, ангела-утѣшителя. Узнавъ изъ письма бабушки Татьяны Матвѣевны о затруднительномъ положеніи моемъ съ сиротами, графъ, высылавшій каждогодное ей пособіе въ 500 рублей, благоволилъ присоединить къ этимъ деньгамъ еще 250 руб. на мою долю. Это было въ 1834 году. Въ слѣдующемъ году дорогая мнѣ милость моего кростнаго повторилась, и сверхъ того онъ выслалъ въ томъже 1835 году еще 200 рублей мнѣ на устроеніе дочери Елизаветы. Такія благодѣянія Михаила Михайловича побудили меня въ 1836 году лично видѣть и благодарить его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, съ трепетомъ подошла я къ квартирѣ высокаго моего благотворителя. Но едва доложили Михаилу Михаиловичу, что дочь Татьяны Матвѣевны желаетъ видѣть его, тотчасъ отворились мнѣ двери. Вхожу, онъ сидитъ въ бѣломъ сюртукѣ, бесѣдуя съ прекраснымъ 14-лѣтнимъ юношей. То былъ родной внукъ графа, Михаилъ Александровичъ Фроловъ-Багрѣевъ, сынъ единственной дочери его Елизаветы Михайловны. „Ахъ! Лиза, Лиза!“ сказалъ мнѣ съ отеческою любовію мой крестный: „такою ли видѣлъ я тебя, когда проѣзжалъ чрезъ Владиміръ? Какъ измѣняютъ насъ лѣта!“ „И годы, и горе, графъ“, отвѣтила я, покрывая поцѣлуями руки моего благодѣтеля и обливая ихъ слезами благодарности и неизъяснимой радости о томъ, что удостоилъ Богъ видѣть мнѣ его. „Утѣшься, моя милая!“ сказалъ онъ мнѣ: „Свидѣтель Богъ, и вотъ (при чемъ положилъ руку на плечо внука) мой тебѣ предъ Нимъ поручитель: доколѣ я живъ, тебя не оставлю; а умру, и по смерти моей будешь, по гробъ свой, получать отъ моихъ наслѣдниковъ положенное мною тебѣ каждогодное пособіе“. При второмъ свиданіи моемъ съ моимъ отцемъ-благотворителемъ, я получила отъ него 500 р. пособія при слѣдующихъ, незабвенныхъ мнѣ сло-

вахъ: „вотъ тебѣ, милая моя крестница, на твои житейскія нужды; о дальнѣйшемъ не безпокойся; я уже сказалъ тебѣ, что тебя не забуду и не покину безъ помощи въ твоей бѣдности. А теперь въ Петербургѣ не мѣшкай. Здѣсь все такъ дорого. Помѣстилъ бы я тебя въ моей квартирѣ; но она не довольно просторна. Прости. И да утѣшитъ тебя самъ Господь Своими богатыми милостями!“ Тутъ онъ перекрестилъ меня, поцѣловалъ въ лобъ и прижалъ къ сострадательной своей груди *).

Вѣрный другъ, нѣжно сострадательный родственникъ, графъ Сперанскій былъ самый вѣрный супругъ и мудрый и чадолюбивый отецъ. Вступивъ въ супружество съ образованною англичанкою, онъ очень не долго наслаждался супружескимъ счастіемъ, и скоро долженъ былъ оплакать преждевременную кончину доброй и умной своей супруги. Скорбь его по ней столь была велика, что только вѣра въ Господа поддержала и сохранила душу Михаила Михайловича отъ погибельнаго отчаянія. Покорность святымъ

*) Въ 1837 году Татьянѣ Матвѣевнѣ выслано было отъ Михаила Михайловича 1000 р.,—изъ нихъ 500 р. ей и по 250 р. рублей ея дочерямъ: матери моей и теткѣ Аннѣ Ивановнѣ, супругѣ протоіерея, о. А. Виноградова, человѣка весьма больнаго (онъ былъ въ параличѣ) и потому бѣднаго. Когда въ ноябрѣ сего года Татьяна Матвѣевна скончалась, 500 р. продолжали быть высылаемы на долю двухъ упомянутыхъ оссбъ каждогодно до 4-го года послѣ кончины незабвеннаго графа М. М. Сперанскаго. Прекращеніе пособія, назначеннаго графомъ, послѣдовало безъ всякаго о томъ предварительнаго извѣщенія отъ ближайшей родной его и наслѣдницы Елизаветы Михайловны Фроловой-Багрѣевой, графини Сперанской. При своихъ великихъ нуждахъ, моя матушка рѣшилась снова ѣхать въ Петербургъ, чтобъ припасть къ Елизаветѣ Михайловнѣ съ просьбою о помощи. Вмѣсто нея, Богъ привелъ видѣть матушкѣ того, кого покойный графъ дѣлалъ поручителемъ исполненія своего обѣщанія, Михаила Александровича Фролова-Багрѣева, графа Сперанскаго. Добрѣйшій внукъ добрѣйшаго дѣда радушно принялъ мою матушку въ Царскомъ селѣ и утѣшилъ ее обѣщаніемъ ходатайствовать предъ родительницей своей Елизаветой Михайловной о продолженіи милостиваго вспоможенія обѣщаннаго его дѣдушкою крестницѣ. Трагическая смерть добрѣйшаго юноши графа помѣшала исполненію его обѣщанія. Уже три года прошло, какъ скончалась и моя матушка.

судьбамъ Провидѣнія и любовь къ единственной дочери возвратили душѣ Сперанскаго мужество, и онъ, великій дѣятель, не искалъ уже втораго друга жизни. За воспитаніемъ единственной дочери своей онъ непрестанно слѣдилъ самъ, среди думъ и заботъ государственыхъ удѣляя довольно времени на попеченіе о ней. Михаилъ Михайловичъ продолжалъ быть ея наставникомъ и тогда, когда Елизавета Михайловна сдѣлалась сама женою и матерью. Достаточно прочесть его любыя два-три письма изъ множества писемъ къ дочери, чтобы видѣть всю глубину и нѣжность чувства отца и вмѣстѣ высокую мудрость воспитателя—христіанина въ графѣ Сперанскомъ. Въ его письменномъ кабинетѣ хранился портретъ дочери, снятый съ нея еще въ ея младенческіе годы. Когда моя матушка, при свиданіи съ своимъ крестнымъ отцомъ, обратила вниманіе на этотъ портретъ, съ какимъ восторгомъ отецъ сталъ говорить о ней предъ моей матерью, и съ какою нѣжностію сталъ высказывать чувства свои къ дочери и находившемуся близъ дѣдушки внуку, Елизаветы Михайловны сыну!

Набросанныя здѣсь немногія черты изъ жизни графа Сперанскаго достаточно свидѣтельствуютъ о высокихъ духовныхъ достоинствахъ его. Вѣчная память его великой душѣ!

Протоіерей Н. Флоринскій.

(Изъ іюльской книжки Душеполезнаго чтенія 1874 года.)

Печатать позволяется. Москва. Іюня 27 дня 1874 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.